

Чуваши составляют 8,3% населения Ульяновской области. Наиболее компактно проживают в Цильнинском, Мелекесском и Барышском районах. Название народа - производное от булгарского племени сувар, суваз.

Чуваши - народ древней земледельческой культуры. Сеяли рожь, пшеницу, овес, полбу, просо, горох, чечевицу. Из технических культур - коноплю. Рожь и овес были основным товаром на рынках. Традиционными занятиями были также хмелеводство, пчеловодство, огородничество, охота. Чуваши разводили лошадей, коров, овец, коз, домашнюю птицу. Занимались и кустарными промыслами.

Внутренняя планировка избы преимущественно была среднерусской, из хозяйственных построек, помимо конюшен, хлебов, сараев сооружали еще "лас" - летнюю кухню.

Мужской традиционный костюм состоял из туникообразной холщовой рубахи и штанов. Праздничные рубахи украшались вышивкой. Верхняя одежда была из домотканого сукна (кафтан, армяк), из овчины (тулуп, шуба); головные уборы - бараньих шапки, войлочная шляпа. В комплекте женского костюма входили: холщовая рубаха или платье из кейради с воланами, а также нагрудник, передник или фартук. Верхняя одежда чувашек по своему крою и материалу напоминала мужскую. Старинным девичьим головным убором была "тухья", обшитая монетами, бисером. Украшения из монет, бисера чувашки носили также на груди, шее, спине, в ушах.

В пище главное место занимали продукты земледелия. Наиболее распространенными блюдами были: салма, картофельный суп, вареный картофель с молоком. Из ритуальной пищи: каша, лепешки, овсяный или гороховый кисель, приготовленный особым способом с маслом. Осенью жертвенные лепешки замешивались на крови битой птицы.

Месяц поминовения и жертвоприношений (ноябрь-декабрь) совпадал с началом года по лунно-солнечному календарю. До вхождения в состав Русского государства чувашки были язычниками. После крещения часть верований была забыта, часть слилась с православной верой, образовав двоеверие. Элементы древних обрядов дошли и до наших дней.

Прикладное искусство у чувашек представлено резьбой по дереву, вышивкой, узорным тканьем. Развито устное народное творчество. Популярными являлись лирические, трудовые, обрядовые песни, широко было распространено хоровое пение.

Большую роль в подъеме и развитии культуры, образования чувашек сыграла Симбирская чувашская школа, организованная во 2-й пол. XIX века И.Я. Яковлевым (1848 - 1930).

Яковлев

Из воспоминаний

Мою мать звали Анастасией, отчества ее не помню. Да у чувашек и не употребляется отчество. Она была чувашка. Мать моя умерла на второй или третий день после моего рождения, вероятно, вследствие родов. Мои фамилия и отчество даны были мне при крещении по моему крестному отцу, крепостному крестьянину Якову Яковлеву.

У чувашек существует обычай, в силу которого в доме должен быть сын. Когда его нет, то за сына берут ребенка по родству или из чужой семьи. В крайности берут даже мальчиков у русских. Меня и взяла к себе после смерти моей матери семья удельных крестьян чувашек Пахомовых... Я нуждался в

кормлении грудью, а в доме Пахомовых не было никого, кто заменил бы мне в этом отношении родную мать. Напротив того дома, в котором я родился, жила женщина-чувашка, вторая жена Федора Лгуна. Она из милосердия и стала кормить меня грудью, не беря за это вознаграждения. Надо заметить, что у чувашей такое доброделание не считается чем-либо особенным...

В раннем детстве (И.Я. Яковлев провел детство в деревне Кошки-Новотимбаево Симбирской губернии - *ред.*) я был больным, хилым, тщедушным, малорослым, молчаливым ребенком, что, главным образом, зависело от дурного, недостаточного, не соответствовавшего детскому моему возрасту питания в чувашской семье Пахомовых, меня как бы усыновившей... Для объяснения этого считаю нужным заметить, что во время моего детства вообще чувашское население питалось скверно, что зависело и от бедности и от разного рода предрассудков, обычаев, ложных мнений. О быте чувашей того времени можно сказать, что в чувашских деревнях скотина поправлялась, а человек хирел. Мясо (баранов, телок, бычков) употребляли в пищу очень редко, например, около Петрова дня, осенью, во время особых празднеств. Особенно редко приходилось мясо на зимнюю пору. Обыкновенной пищей была пища растительная, главным образом хлеб с солью. Варился суп (почувашски "яшка") с картофелем, капустой. Употреблялась кислая капуста, иногда квас. Еще делалось что-то вроде киселя из ржи, ржаная каша (рожь обращалась в крупу). Лучшая пища приготавливалась, конечно, тогда, когда являлись в дом гости. Говорят, что в настоящее время пища в чувашских деревнях улучшилась вместе с общим улучшением крестьянского благосостояния...

У чувашей бывает по два имени, согласно обычаю. Одно дает священник при крещении, другое, не всегда христианское, дается уже в семье. У чувашей существовала и существует примета, в силу которой, если человек имеет одно имя, то не живет долго, а с двумя именами долговечен. Я второго имени не имел.

Семью Пахомовых я считаю моей родной. К ней до сих пор я храню самые родственные теплые чувства. Меня не обижали, относились как к родному ребенку. Я долго не знал о том, что Пахомовы мне чужие... Только, когда мне исполнилось лет 17, т. е. когда я уже учился в гимназии, увидев свою метрику о рождении и крещении, я узнал, что это не родная моя семья... Я прожил в Кошках (у Пахомовых) до 8 лет, когда меня записали учиться в школу села Большие Бурундуки...

В характере чувашей есть много симпатичного, но в них нет той энергии, того широкого удалого размаха, той мощи духа, того творчества, какие встречаются зачастую у русских... Однако у чувашей

есть много хорошего. Например, у них замечается какая-то особенная, бог весть откуда дошедшая до них деликатность во взаимных сношениях. Чуваши избегают сказать кому-либо грубость, что-либо обидное, унижающее, оскорбительное. Во время моего детства и юности разврата среди чувашей не замечалось, хотя многие жили, не венчаясь в церкви, как мужья и жены. При обращении друг к другу чувашки любили прибавлять слова "господин", "госпожа", так что у них выходило "господин зять", "госпожа теща" и т.д.

Чувашские песни, слышанные мною в детстве, носят в себе много оригинального, особенного. В основе их – всегда поэтическая картина, но душевных, личных переживаний, как это зачастую встречается в песнях русских, там нет. Мотивы (напевы) их трогательны. Все они – чувашская поэтическая импровизация. В одной из песен говорится, что пока мы, чувашки, радуемся, веселимся, бог, глядя на нас, тоже радуется, радуются поле, лес, звезды – все в природе. Даже зарницы, сверкая в небе, тоже радуются, как

бы участвуя в нашем веселье. В чувашских песнях нет никогда ничего грязного, циничного. Срамного. Они глубоко целомудренны, нравственны. Да и вообще чувашская речь не содержит в себе бранных слов.

Когда я вырос, и, будучи в гимназии, стал сознательно оглядываться на мое деревенское прошлое, то при сравнении чувашского деревенского быта с бытом соседней русской деревни меня поражали две особенности у чувашей. Чуваши, оставшиеся в язычестве, несмотря на внешнее восприятие христианства, для сношения с божеством не нуждались, как пра-

вославные, в посредниках в виде духовенства. В то же время симпатичной чертой в них было то, что когда наступали в России общенародные бедствия (война, голод, повальные болезни), в чувашских деревнях прекращались увеселения не только в среде взрослых, но и среди подростков и детей...

В 1864 году, будучи мерщиком удельного ведомства, я заболел и пролежал недели две с лишком в имении Косинских. В доме Косинских говорили польски и по-русски. Пребывание мое у Косинских имело для меня большое значение в смысле укрепления во мне мысли о необходимости для чувашей письменности. Я любопытствовал, есть ли книги на польском языке. Мне был известен только русский язык. Я видел до того книги только на русском и татарском языках. А тут вдруг узнал, что у поляков, как и у других образованных народов, существуют книги на своем родном языке. Почему же, думалось мне, нет таких книг на чувашском языке у чувашей? Мне было досадно и обидно.

